

Единение судеб – перекрестия строк

Все мы – как реки, в которых облаками отражаются души ушедших. А тем более души поэтов, чьи судьбы трагически прерваны, безвинно распяты палачами истории. Их недопетая песня звучит в своей скорбной недоговорённости, невыплеснутой звёздной силе, стремясь возродиться в новом сердечном слове. Пробиваясь, озябнувшая, через миры и года, она ищет родственную себе душу и, если находит, – расцветает в ней.

Гумилёвские традиции в творчестве Владимира Фёдорова

Когда я думаю о Николае Гумилёве, гневная тоска охватывает меня – грубым, кованым сапогом красного террора была раздавлена такая жизнь, такой блистательный солнечный талант. Столько сокровенных строк не отзвенело, не отплакало и не отрадовалось!

Как и чем восполнить всё украденное и вырванное из наших сердец, чем заменить радость творческого дружелюбного откровения, поэтического предвидения, небесного опьяняющего полёта?.. Ловлю себя на том, что прозорливо пытаюсь разглядеть его след во всём талантливом, ярком, дерзком и вдохновенном. А Судьба, напутственно и отечески наблюдая за этими поисками, всегда помогает мне.

Таким вот судьбоносным образом я и прикоснулась к творчеству Владимира Фёдорова, русского писателя из Якутии, ныне живущего в Москве. Страницы его книг открыли свои объятия и впустили в мир красочный, насыщенный грозной, огненной ритмикой, мир зрительный и осязаемый, мир поиска и устремления. И в этом мире я сначала лишь почувствовала, а затем подтверждающе увидела это солнечнородное соединение их судеб. Словно судьба Гумилёва пунктиром отметила заданный, но загубленный и прерванный свой путь в «карте памяти» жизни Владимира Фёдорова, которого, без сомнения, можно назвать одним из современных поэтов, развивающим и поддерживающим гумилёвские традиции в русской литературе.

Владимиру Фёдорову, как и Николаю Гумилёву, свойственна природная, генетическая, сущностная память. Ещё в начале его творческого пути это пророчески заметил мастер современной поэзии Юрий Кузнецов: «(...) А теперь о главном. Это память. Не детская, а такая, которая преодолевает детскую и вообще идёт дальше рождения и смерти каждого отдельного человека. Такая память называется народной. Она живёт в каждом из нас, но подспудно. Если с ней утратить связь, то человек дичает, глохнет и, как перекасти-поле, обречён блуждать по мёртвым просторам духовного космополитизма.

Владимиру Фёдорову дано её ощущать. Его поэтическая память вызывает из могилы прадеда, она же вызывает из небытия перезвон гуслей. Она же присутствует в других стихотворениях. В такой памяти живо всё. И никогда не умирало, никогда не умолкало. И прорвалось во Владимире Фёдорове. Для молодой русской поэзии такой прорыв – предзнаменование. А что будет дальше, покажет время...»

Юрий Кузнецов разглядел и благословил во Владимире Фёдорове те же самые качества, которые ранее Валерий Брюсов почувствовал в Николае Гумилёве: способность к мгновенным ощущениям и озарениям, сверхчувствительную интуицию, межчувственный перенос, редкий феномен слияния реальных ощущений, преображённых, благодаря сверхчувствительным функциям мозга, в слово – *синестезию*.

«У него редкий дар: осязать поверхность недостижимых вещей. Он обладает внутренним зрением, которому открыты уже не оттенки и виды, а видения», – так писал Юрий Кузнецов о Владимире Фёдорове в 1980 году, подводя итоги совещания молодых писателей Якутии.

А о синестезических способностях и потенциале Николая Гумилёва не раз говорил Валерий Брюсов, который также провидчески заметил: «...он сумеет пойти много дальше, чем мы то наместили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Благодаря присущей Николаю Гумилёву и Владимиру Фёдорову синестезии, основной чертой напевных, поющих стихов поэтов является наполняющая их музыка.

Потрясающие по языку и характеру стихи Николая Гумилёва положил на музыку кумир эстрады XX века, киноактёр, поэт, композитор и певец Александр Вертинский, а у него был безошибочный вкус на стихи. В его исполнении прозвучали песни на стихи М. Цветаевой, С. Есенина, И. Северянина, А. Блока, И. Анненского, Г. Иванова, И. Мятлева и других известных поэтов.

И неудивительно, что образ и поэзия Николая Гумилёва оказался столь притягательным и для наших современников – отечественных рок-музыкантов, также жаждущих Подвига как в творчестве, так и в жизни. К этому вполне располагает слог поэта – кристально-чистый, ясный, экспрессивный.

Самые лучшие рок-интерпретации наследия великого поэта, без которого немислима история поэзии Серебряного века, это работы следующих музыкантов: Александр Вертинский / Борис Гребенщиков – «Китай»; группа «Ва-Банкъ» – «Путешествие в Китай»; группа «Плюмбум» – «Жираф»; Наталья О'Шей – «Ольга»; Константин Кинчев – «Волшебная скрипка».

Стихи Владимира Фёдорова тоже находятся в неразрывном единении с музыкой – известные композиторы: Виктор Климин – талантливый пианист и композитор, прошедший школу великого мастера Арама Хачатуряна; мастер романса Сергей Белоголов, авторы-исполнители Ольга Кузьмина и Сергей Великий, написали музыку к стихам «Дилижанс», «Вновь музыка поёт...», «Соловей», «Гусарский романс», «Синеглазый гусар», «Снова на исходе лета...», «Волк», «Мелодия дождя», «Лунный вальс», «Вуаль», «Возвращение на родину», «Где цвела она – не ведаю...».

Как прекрасна мелодика стихотворения «Соловей», ставшего романсом:

Он такие выводил коленца, –
Не постигнуть никогда уму!
Девки ночью задыхались в сенцах
И, босые, сами шли к нему.

Работа композиторов над стихами продолжается. А цикл стихов про волков – просто кладёзь материала для рока:

А уйти от тоски
Потрудней, чем от дикой погони.
И когда-нибудь сам
Ты подставишь свой бок
Под дуплет...
Погоди ещё миг,
Я сложу в треугольник ладони,
И в ночи поплывёт
Мой тревожный

гортанный

ответ.

«Дело величавое войны»

Самый наглядный пример наследия и проявления гумилёвских традиций в творчестве Владимира Фёдорова – это военная тема. Поэзия Николая Гумилёва – это поэзия воина. Он идеализирует войну, показывая её как религиозно-значимое действо:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, грозны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Гумилёв восхищался ратным ремеслом, воспевал его. Не жестокость, не политические цели войны, а именно красоту военной бури, пробуждение на поле боя высочайшей духовности, героизма. Война интересовала его как нравственный опыт, ставший частью собственного существования. Он знал, о чём пишет, ибо сумел максимально реализовать себя в качестве воина: официально освобождённый от военной службы, записался добровольцем в Лейб-гвардии Уланский полк, заслужил двух «Георгиев» 2-й степени, «Владимира с мечами», был контужен. По воспоминаниям его сослуживцев, не существовало такой опасной разведки, в которой он не пожелал бы участвовать. Сам поэт, воссоздавая и переживая заново свою жизнь в замечательном стихотворении «Память», так сказал о себе:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

Что касается В. Фёдорова, то он тоже офицер запаса, почётный есаул Якутского казачьего полка, награждён казачьими крестами и медалями за походы под парусом в Арктику и свои литературные произведения о казаках-землепроходцах. Так что эта тема ему близка. И в 2012 году вышла его книга стихов «Такова судьба гусарская», в которой отражена судьба одного из рядовых героев-ротмистров Отечественной войны 1812 года. За эту книгу Русская Православная церковь наградила автора медалью, посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 года. Эта же книга победила в VI Всероссийском литературном конкурсе «Твои, Россия, Сыновья». Поэтическое слово книги звучит пронзительной нотой и порой бьёт в набат о событиях давно ушедших времён:

Мы летим между звёзд,
В наших душах пылают пожары,
Мы срываемся вниз
С перебитым судьбою крылом.
Мы воители грёз,
Мы поэты, а значит – гусары,
И звенят, как клинки,
Наши строки, сшибаясь со злом.

В каждой строке пульсирует жизнь, стремительна скорость летящих строк, заметна неистовая ярость, бурление слов и смыслов, некоторое их перемещение, что только усиливает апофатику произведения, его волшебность. Во всех стихотворениях книги явственно выражен высокий героический настрой и рождается необыкновенное ощущение, что написана она не о героях, а ими самими – гусарами и поэтами – написана, воскресшими какой-то высшей волею для разговора со своими потомками. Звучат в ней и грозные ноты войны, и нежные оттенки минут затишья, и различные только сердцем прощальные слова отважного воинства, улетающего на небесные поля:

Мы не сразу умчим,
Мы три круга проскачем под тучей,
Чтоб последних дождать,
Прокричав с высоты: «Догоняй!»
Эскадрон наш не зря
Называли при жизни летучим:
Нам сегодня лететь
Прямо к Богу в сияющий рай.

Муза дальних странствий

Не раз говорилось, что муза Гумилёва – это муза дальних странствий. Гумилёв открыл русскому читателю до него неизведанный мир Африки, культуру племён, считавшихся дикими и отсталыми. Совершив несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке, он привёз в Музей антропологии и этнографии Санкт-Петербурга богатейшее собрание экспонатов, записал множество песен и легенд, создал прекрасную коллекцию красочных снимков.

Для него словно не существовало несбыточного. Ему в принципе была неведома не преступаемая обычно грань между мечтой и её претворением в жизнь, намерением и поступком, сладкой романтической грёзой и явью. Гумилёв стремился открыть мир и новые пространства для себя и для русской поэзии. А чёрный колдовской материк манил его всегда, очаровывал своей культурой, своим девственным языком:

Оглушённая рёвом и топотом,
Облечённая в пламя и дым,
О тебе, моя Африка, шёпотом
В небесах говорит Серафим.

Гумилёва влечёт к изображению экзотических стран, где в красочных и пёстрых видениях он находит зрительное, объективное воплощение своей грёзы, вырывается на простор истинной, вольной и свободной поэзии:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зелёных зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель.
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

Вполне обоснованно Гумилёва называют поэтом сакральной географии. Ведь обычные географические описания в его текстах, приобретая дополнительные культурно-исторические, мифопоэтические, геополитические факторы, перерастают реалии, становятся геософией.

Владимир Фёдоров так же, как и Николай Гумилёв, – страстный путешественник, странник по своему духу. Геолог по первому образованию, он прошёл дальними маршрутами самые заповедные места Якутии и соседних областей, работал на побережье Северного Ледовитого океана, на печально знаменитой гулаговской Колыме, поднимался на вулканы Камчатки и на главные вершины Северо-Востока, искал золото, алмазы, изумруды. Естественно, что он уже в своих самых первых стихах, рождённых у таёжных костров, писал о природе и диких зверях («Волк», «Лось», «Шатун», «Песец», «Сумерки в тайге...» и др.), как и его знаменитый предшественник, а также о землепроходцах и путешественниках, открывших Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку (стихи, посвящённые Семёну Дежнёву, Петру Бекетову, Витусу Берингу, Никите Шалаурову, Якову Санникову и многим другим героям Севера).

Когда границы в западные страны открылись, Владимир Фёдоров проехал на машине через всю Аляску, побывал в джунглях Камбоджи, на ледяном куполе Гренландии, забирался внутрь египетских пирамид, был в Японии и Сингапуре. Все эти путешествия он описал в своих очерках.

В 2010 году Владимир Фёдоров смог осуществить свою давнюю мечту и побывать первым из сибирских и, видимо, одним из немногих нынешних российских поэтов на сафари в Африке – в Кении и Танзании. А затем совершил большое путешествие по Южной Африке, побывал на противоположном конце континента – в Египте и Тунисе. Помня об африканских путешествиях Николая Гумилёва, он не раз упомянул его в своих стихах, где в каждой строке, как на тропе, осталась невесомая звериная поступь, где слышен свирепый дикий рык, обжигает лицо знойное дыхание огромного африканского солнца и обволакивает чёрный бархат ночи:

Затерявшись в этом мире, где смешались быль и небыль,
Вместе с ними я сегодня леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая, Южный Крест прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.

А потом мне будут сниться битвы, схватки и набеги,
Но среди звериных хроник вдруг обнимет светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снега
Тихо падают на плечи тёмно-бронзовых мадонн...

После первой своей поездки в Африку Владимир Фёдоров сделал большую серию фотографий и устроил несколько фотовыставок.

Николаю Гумилёву и Владимиру Фёдорову свойственны черты перфекционизма, но в его «нормальной», самосовершенствующей, самокорректирующей форме. Это перфекционизм, обращённый прежде всего к себе, в настойчивом устремлении к идеалу, к высочайшим нравственным и художественным критериям.

Природа сильной личности обоих поэтов, не доводя эти устремления до патологических форм, дарит неиссякаемые источники сил и вдохновения.

И здесь необходимо отметить *пассионарность* и самих поэтов, и героев их произведений. Они словно обладают врождённой способностью получать из внешней среды энергии больше, чем это нужно для самосохранения, и, как следствие, возможностью направлять эту энергию в духовное и творческое русло.

Пассионарность как теория, разработанная сыном Николая Гумилёва – известным историком Львом Гумилёвым, присутствует и в жизни, и в творчестве Гумилёва-поэта, он прославляет тех, кто бесстрашно смотрит смерти в лицо. У его героев, как и у него самого, чувство риска, пассионарности во имя идеи постоянно преобладает над инстинктом самосохранения, и поэтому они отвергают спокойную, тихую жизнь. Для них важнее всего – жажда жизни и жажда славы во имя преобразования этой самой жизни:

Но всего прекрасней жажда славы;
Для неё родятся короли,
В океане ходят корабли.

Наиболее ярко пассионарность поэта проявилась во время путешествий по Африке и позже, в годы Первой мировой войны. О его бесстрашии в полку ходили легенды. Он, как Дон Кихот, следовал поставленной цели и с блеском преодолевал трудности, встававшие на пути:

Я не раз в упованье великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой.
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.
Но отчаянья не было в сердце моём,
И надежда мне силы давала,
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

Примеров перфекционизма и пассионарности достаточно и в судьбе Владимира Фёдорова. Например, в 17 лет начав заниматься стрельбой, он через три года уже стал чемпионом Якутии, членом сборной, показывал такие результаты, с которыми можно было стать призёром на чемпионате мира. В 18 лет, получив не любительские, а профессиональные права на вождение автомобиля, через год принял участие в авторалли «Москва – Якутск» под флагом «Олимпиады-80», проходившей в Москве.

Будучи молодым геологом, которому все пророчили быструю и успешную карьеру, он принёс свой первый материал в молодёжную газету, и этот материал был признан «материалом месяца». За-

нимаясь параллельно с «письменной» журналистикой ещё и фотографией, никогда не пользовался услугами фотокорреспондентов, и его фотографии были оценены по достоинству – в 2010 году он был признан фотографом года. Позже выиграл международный фотоконкурс, получив в качестве приза авиабилеты на Камчатку и на Аляску и воспользовавшись ими. Стал «Автором года» журнала «Чудеса и приключения» за серию фотоочерков о своих путешествиях.

Работая над книгами по шаманизму, так погрузился в тему, что эти книги в научном мире дважды предлагали оформить в виде диссертаций по этнографии или философии.

То же самое и с литературными жанрами: Владимир Фёдоров пишет стихи, рассказы, очерки, романы, пьесы детские и взрослые, киносценарии, по двум из них поставлены художественные фильмы, а по либретто – балет. Многоплановость и разнообразие тематики присуще творчеству Фёдорова, но его темы при этом словно сами «находят» для себя подходящий жанр. И в каждом из представленных жанров происходит вдохновенная обогащающая трансформация – в них вкрапляются яркие и талантливые «представители» других жанров и направлений. Но самое дорогое для Владимира Фёдорова, и в этом он абсолютно солидарен со своим великим предшественником, – это стихи!

Анализируя явную схожесть интересов Николая Гумилёва и Владимира Фёдорова, следует сказать об их притяжении к языческим религиям.

Оккультные учения и антропософия, христианство и экзотические религии Востока – такие как буддизм, зороастрийские учения и анимизм, – специфически преломляясь, играли большую роль в поэтическом мире Николая Гумилёва. Ностальгия по чужим, экзотическим культурам – важный импульс и движущая сила, выражающаяся во всей жизни и творчестве поэта. Это стремление, эта тоска имеет глубинную, чувственную природу. Особенно интересен в этом смысле его интерес к фольклору северо-восточной Африки, его занятия философией и поэтикой древнего Ирана.

Владимиру Фёдорову также интересна история языческих религий – он написал о шаманизме северных и других народов мира несколько научно-популярных книг (Тайны вуду и шаманизма. – М.: Вече, 2002, переиздание 2005; Служители трёх миров. – Якутск: Бичик, 2003; Воители трёх миров. – Якутск: Бичик, 2004). В этих книгах Владимир Фёдоров цитирует стихотворения Гумилёва «Консул» и «Дагомея», которые органично вписываются в ткань повествований. После выхода книг он был приглашён на всемирный съезд шаманов и исследователей шаманизма в Гренландию. И с той поры ежегодно получает подобные приглашения...

«Весь мир – театр...»

Николая Гумилёва неудержимо привлекал процесс драматургического воплощения его многомерной творческой вселенной. Особое его внимание и любовь заслуживал театр марионеток, притягивая своей образностью и условной природой. Итогом стала пьеса-сказка «Дитя Аллаха», достойная переливчатого, многопланового, тончайшего искусства марионеток.

В ней тот же мотив, как и в предшествующих пьесах: «Актеон», «Гондла» и в последующих: «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога» – рассвет человеческой личности, пробуждение её в безликом сером мире, выход из доисторического младенчества в историческую юность.

Театр марионеток многообразно обогатил драматургический кругозор Гумилёва, позволил изначально заданной и непрерывно развивающейся исторической и личностной тематике, поэтическому провидческому вдохновению вознестись над повседневностью и проникнуть в суть вещей, начало начал.

Читая пьесы Гумилёва, мысленно вплетаясь в их полотно, захлёбываешься от радости или от горя, от всех тех чувств, с которыми они идут служить миру искусства.

В. Фёдорова так же, как Н. Гумилёва, влечёт к себе театр, он автор более десяти пьес, лауреат Государственной премии Якутии за спектакль «Одиссея инока якутского». Следует отметить, что историческая тема тоже очень близка и любима В. Фёдоровым, об этом свидетельствуют все его пьесы, о которых можно с уверенностью сказать, что они написаны рукой опытного драматурга. Пьесы и спектакли по ним превращаются в памятники великим людям, оставившим свой след в истории становления Российского государства.

Истоки духовной и творческой основы его пьес проистекают из бережного сохранения национальных традиций, целостного ряда важнейших сюжетных линий, в конце концов органично соединяющихся в единое целое, динамичного развития событий. Пьесы В. Фёдорова, как и пьесы Н. Гумилёва, обладают огромным потенциалом для сценического воплощения в различных театральных жанрах и форматах.

А такие блистательные драматургические произведения Владимира Фёдорова, как «Одиссея инока якутского», «Апостол государев» и «Созвездие Марии», которые увидели зрители не только Сибири, но и Москвы, Санкт-Петербурга, верится, непременно войдут в золотой фонд драматургии и Якутии, и России.

Вера и правда горящих строк

Оба поэта правдивы и искренни, они сердечно открывают в своей поэзии всё самое сокровенное, самое глубинное. И это честное отношение к своим читателям, такой подход к своему творчеству их ещё больше объединяет. Правда – очень тяжёлая ноша, огромная ответственность... Нет места в их жизни и творчестве фальши, черновому варианту, возможности перечитать и переосмыслить заново. Нет! Они живут в полный рост, говорят в полный голос, горят правдой, поют от сердца, а не по нотам. Как здесь не вспомнить слова русского поэта и критика Константина Батюшкова: «Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы».

Владимир Фёдоров, словно следуя завету Николая Гумилёва: «...не хочу выдавать читателю векселя, по которым буду расплачиваться не я, а какая-то неведомая сила», не допускает даже тени лжи или полуправды. Эти поэты всегда помнят о Божием Суде, считая себя поэтами не только по призванию, но и по званию, по высшему повелению: когда Гумилёва спрашивали, кто он, отвечал: «Я – поэт». И в списках смертников он был обозначен: «Гумилев, поэт».

Он готов держать ответ перед Богом по всей строгости, ставя себя в ряд с разбойником, мытарем и блудницей:

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всё открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай».

Светлые и строгие, чистые и молитвенные слова слышны и в колокольном звоне поэтической души Владимира Фёдорова. Он постоянно обращается к горним мирам, к Богу:

«И поплывёт моя душа / Навстречу ангельскому хору...» или: *« Попрошу у Господа прощенья / Я у тихо плачущих свечей...»*.

И великой верой о христианском конце жизненного пути струятся исповедальные строки из книги «Красный ангел»:

И в награду, вставив свечку в руки,
Среди диких, неприветных мест
Вскинут в небо надо мною други
Златосмольный листовничный крест.

Оба поэта идут по одной дороге – дороге к Богу. И даже фамилии их в этом созвучны: «Фёдоров» – Богом данный, а «Гумилёв» – в средневековой латыни означало «смиранный», и была в этом своя правда – в конечном итоге оказалось, что этот болезненно самолюбивый и гордый перед людьми человек перед Богом действительно имел «сердце сокрушённо и смиренно».

Осуществляя круговорот всего сущего, Природа осязаемо и неосяземо сохраняет и преобразует ранее существовавшее. Она – великий хранитель и творец. Только этим мы можем объяснить такой живой и непосредственный пример воплощения и продолжения гумилёвских традиций в творчестве Владимира Фёдорова. Кто же первым заметил их необычное сходство? О, эта удивительная история заслуживает, чтобы о ней рассказали подробно!

Как ни странно, но впервые это авторитетное утверждение прозвучало не в России, не в родной поэту Якутии, а в Америке, в начале 1990-х годов. Тогда в нашей стране основательно знакомы с творчеством Гумилёва были немногие, в то время как русскоязычные литераторы за океаном знали и помнили его достаточно хорошо. И когда сборник стихов Фёдорова «Красный ангел», изданный в Якутии, промыслом провидения попал в знаменитый Клуб Русских Писателей Нью-Йорка, старейшего русскоязычного литературного сообщества, основанного на базе кафедры славянских языков Колумбийского университета, он сразу привлёк к себе пристальное внимание.

В газете «Новое русское слово» вышла рецензия на целую полосу, где прямо в заголовке Владимир Фёдоров был назван продолжателем гумилёвских традиций, а в тексте – «гумилёвцем, наверняка тайно хранившим и читавшим в годы запрета его томик». Автором рецензии был известный представитель второй волны русской эмиграции в Америке, человек нелёгкой и интересной судьбы – Вячеслав Клавдиевич Завалишин, талантливый искусствовед, журналист, поэт, литературный и художественный критик, автор многих материалов о ранней советской литературе, тонкий знаток и почитатель Гумилёва, первым издавший собрание его сочинений в 4-х томах ещё в 1947 году, когда Гумилёв был запрещён в СССР.

Согласитесь – такой отзыв дорогого стоит! Это признание чёткой и чистой наследственной поэтической линии «Гумилёв – Фёдоров» Вячеслав Завалишин сделал незадолго до своей кончины в 1995 году, можно сказать, что это было одно из его последних литературоведческих исследований и открытий. (Тем более что у Фёдорова, родившегося при Советской власти в далёкой Якутии, просто не могло быть такого томика, да и Гумилёва он тогда знал лишь по машинописным перепечаткам нескольких произведений.)

Такая параллель, конечно же, возникла из-за тематической схожести их стихов, творческих принципов и устремлений, переключки биографий, бесподобной музыки слов, в стремлении к гусарскому дерзкому броску через вражеские редуты, навстречу огненным вихрям и звёздным ветрам...

В молодые годы Николая Гумилёва считали своим учителем и Анна Ахматова, и Осип Мандельштам, и Георгий Иванов, хотя потом они пошли другим путём.

Можно также сказать, что гумилёвские поэтические традиции прослеживаются и в поэзии Эдуарда Багрицкого и Михаила Светлова с их военно-революционной тематикой («Контрабандисты», «Гренада» и т. д.). В более поздний советский период у Николая Гумилёва и не могло быть последователей осознанных, поскольку он был запрещён и почти неизвестен, если кто-то и шёл по его пути – то, скорее, интуитивно, в силу соприкосновения творческих судеб и принципов. Примером этого может быть ранняя поэзия Егора Исаева и Ярослава Смелякова, творчество Станислава Кунаева и других поэтов разных поколений.

Но в данном случае, проводя параллель Николай Гумилёв – Владимир Фёдоров, ещё раз хочется отметить именно их кровное, братское родство и в обострённой гражданственности – отличительной черте русского поэта, и в любви к Родине, и в осенённости светом природы.

Поэт должен с отвагой нести в своём сердце имя впереди идущего, солнечной силой своей поднять обронённый меч собрата! Иначе он глух, слеп и беззвучен.

Дай бог, чтобы это поэтическое родство и органичное единение, достойное и благородное дело наследования традициям Николая Гумилёва воплотились в крылатые творческие откровения и открытия Владимира Фёдорова, в его восприятие природы и мира, в зов и тайну его поэтического чувства!